

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: К ДИАЛЕКТИКЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Анализируются возможности политики импортозамещения, реализуемой правительством России в ответ на политику экономических санкций США и их союзников. Отмечается, что идеи импортозамещения – не иллюзия и не шанс осуществить технологический рывок, а вынужденная мера, диктуемая обстоятельствами. Отмечается, что идеи импортозамещения и конкурентоспособности по своей сути не антагонистичны. Процессы импортозамещения могут проявляться в результате успешной конкуренции национальных компаний с иностранными. Проводится мысль, что взаимозависимости политики импортозамещения и конкурентоспособности экономики логично рассматривать в рамках институционального подхода. Утверждается, что политика импортозамещения в аграрном секторе России носит императивный характер, поскольку является частью стратегии продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова:

импортозамещение, конкурентоспособность, концепция «коллективной самообеспеченности», глобализация, экспорт, импорт, экономические санкции, отраслевая стратегия, стратегия продовольственной безопасности.

Гладкий Ю.Н., Корнекова С.Ю. Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики: к диалектике взаимосвязей // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 92–97.

© Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: Gladky43@rambler.ru

© Корнекова Светлана Юрьевна – кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет экономики, Санкт-Петербург; e-mail: spbkorsvet@mail.ru

Тезис о том, что главные причины наблюдающейся стагнации российской экономики кроются не в санкциях, навязанных США и их союзниками, а в исчерпании прежних источников экономического роста, сегодня уже не нуждается в доказательствах. В свою очередь, исчерпание источников – закономерный результат финансово-экономической политики последних десятилетий, когда сверхдоходы от высоких цен на углеводородное сырье и других «даров» природы не были эффективно использованы для подъема национальной экономики (и к тому же вкладывались в экономику стран, применяющих сегодня санкции).

«Заражение» российской экономики, так называемой «голландской болезнью», смысл которой заключается в деиндустриализации государства вследствие опоры на экспорт сырья (что параллельно с улучшением торгового баланса обычно ведет к снижению конкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности), дорого обходится государству. Ситуация осложняется и тем, что теория сравнительных преимуществ дает лишь «диагноз» этой «болезни», но не дает конкретных рекомендаций – как выходить из нынешнего состояния? В сложившихся условиях преодолеть «несовершенство рынка» обязано государство путем разработки специальной

стратегии реиндустриализации, создав действенные стимулы для частного сектора, активизировав участие в НИОКР и т.д. Одним из возможных способов преодоления стагнации общества была предложена политика импортозамещения, которая была декларирована правительством в 2014 г.

Идеи импортозамещения – не иллюзия и не шанс. В теоретических моделях западных экономистов, преимущественно представителей неокейнсианской школы (Х. Ченери, М. Бруно, А. Страуг, Н. Картер, П. Линдерт и др.), импортозамещение, провозглашавшееся в прошлом веке в качестве одной из приоритетных целей экономического развития, трактуется как модель ускоренного развития внутреннего рынка, ориентированная на интеграцию страны в систему мирохозяйственных связей. Главным «фундатором» концепции импортозамещения считается аргентинский экономист Рауль Пребиш (нобелевский лауреат), сыгравший огромную роль в развитии и популяризации идей импортозамещения во второй половине XX столетия. Главный рецепт Пребиша – осуществление индустриализации слаборазвитыми странами на основе импортозамещения (*import substitution industrialisation* – ISI) и родственная ей концепция «опоры на собственные силы» (или «коллективной самообеспеченности» – *col-*

lective self-reliance). Последняя, хотя и не породила стройной доктрины экономического развития, но дала мощные импульсы для ведения целенаправленно региональной и субрегиональной политики [5].

Увы, реализация концепции импортозамещения (равно как и концепции опоры на собственные силы) практически ни в одной стране мира не принесла желаемых результатов. В самой Аргентине (родине Пребиша) эксперимент по переводу национальной экономики на рельсы импортозамещения и *dirigisme* (*фр. dirigisme* – политика активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства в середине сороковых годов XX в. во Франции), сопровождавшаяся выдачей местным компаниям дешевых кредитов, квотированием импорта, введением фиксированного обменного курса и жесткого валютного контроля, закончился плачевно. Резко обострившийся к 70-м годам экономический кризис привел в конце 80-х страну к полному банкротству: цены выросли в 30 (!) раз, средняя годовая инфляция превысила 100%, национальный долг стал измеряться астрономической суммой.

Разумеется, Российская Федерация – не Аргентина, и никакие аналогии в этом смысле некорректны, равно как и выбор какой-то конкретной стратегии развития в соответствии с классификацией английского экономиста Дж. Даннинга и ее вариацией, предложенной И.В. Бураковским [3]. «Государственную политику не следует привязывать к определенным теоретическим моделям: она должна основываться на здравом смысле, на анализе затрат и выгод любого решения, на уточненных прогнозах, включающих фактор неопределенности. <...> сами по себе рыночные силы не приведут к формированию структуры экономики, способной обеспечить процветание России: они скорее будут закреплять сырьевую ориентацию» [19, с. 7].

С другой стороны, неконкурентоспособное производство, безусловно, лучше для страны, чем его полное отсутствие, и многие индустриально развитые страны, прежде чем достичь высокой конкурентоспособности своих товаров, вынуждены были пройти «стадию» импортозамещения (это замечание можно отнести даже к США, которые начали войну за независимость с ликвидации английских товаров – «*бостонское чаепитие*»). Собственно говоря, импортозамещением занимался и Советский Союз, добившийся многого в укреплении материально-технической базы экономики, но отставший в конкурентоспособности своей продукции (за исключением продукции оборонного комплекса) на мировом рынке и росте произ-

водительности труда. Все это может свидетельствовать о том, что политика импортозамещения может быть эффективной лишь в двух случаях – во-первых, когда надо национализировать свой рынок, а далее основными целями становятся конкурентоспособность отечественной продукции (включая технологичность) и экономический рост, и, во-вторых, в навязанных извне условиях экономической блокады и санкций.

Вклад российских ученых в исследование стратегии импортозамещения в сравнении с проблемой конкурентоспособности [1; 2; 4; 7–9; 12–14; 16; 18 и др.] в целом скромнен и ассоциируется с рассмотрением влияния макроэкономических процессов на развитие импортозамещения (П.А. Кадочников, 2005), проблем конкурентоспособности импортозамещающей продукции (А.П. Терехов, 2000), принципов организации импортозамещения как бизнес-процесса в масштабах отдельных регионов (А.Р. Исмагилова, 2004; Зайцев Д.Н., 2002), механизмов развития импортозамещения отдельных товарных групп (Е.В. Волкова, 2007; С.И. Редько, 2003) и др.

Реже во главу угла ставятся следующие вопросы: каковой должна быть отраслевая стратегия политики импортозамещения в условиях экономических санкций? Существуют ли, кроме ВПК, еще отрасли материального производства, дискуссии об «охваченности» которых политикой импортозамещения вообще лишены актуальности? Как связана политика импортозамещения с внешней конкурентоспособностью продукции отечественных компаний, с одной стороны, и ее конкурентоспособностью по отношению к импортной продукции на внутреннем рынке – с другой? И дает ли концепция импортозамещения ответ на вопрос, как достичь конкурентоспособности отечественной продукции, когда чуть ли не каждое производство (включая машиностроение!) в нашем климате обходится дороже на сумму затрат на «борьбу» с «неласковой» природой?

Сегодня принципиально важно то, что использование Россией концептуальных идей импортозамещения не может рассматриваться в отрыве от деструктивных тенденций, наметившихся в условиях новых витков глобализации и интернационализации мирохозяйственных связей. Грубое нарушение правил экономической конкуренции основными членами ВТО, связанное с постоянным использованием ими мер антидемпинга (ограничением доступа дешевым иностранным товарам на свои рынки), предоставлением больших налоговых льгот своим экспортерам (что

эквивалентно предоставлению незаконных правительственных субсидий), намеренное требование слишком высоких стандартов для вступления во ВТО (снижающих национальный суверенитет среднеразвитых стран и их способность самостоятельно проводить экономическую политику) – все это вносит определенные коррективы в политику импорта, особенно в тех сферах, где импорт оказывает критически значимое влияние на национальную безопасность.

Вообще, вне зависимости от тенденций развития мирового рынка и практики экономических санкций, осуществление конкретных мер по изменению структуры национальной экономики и приданию ей инновационного качества назрело давно, и они так или иначе ассоциируются с *импортозамещением*. В качестве примера достаточно привести машиностроение – технологическую основу индустрии, которое в России оказалось фактически «разгромленным» в годы реформ, когда из национального реестра хозяйственной классификации исчезли целые отрасли и, прежде всего, станкостроение. И если для малых стран Западной Европы, умело «вмонтировавшихся» в мирохозяйственные связи, такая ситуация не представляет угрозы национальной безопасности, то для России, традиционно одной из ведущих стран мира равносильна трагедии.

Понятен пафос первого заместителя министра промышленности и торговли РФ Г. Никитина, когда он рассуждает о политике импортозамещения своего ведомства с начала *нулевых* годов: «...мы всегда занимались импортозамещением, это основная тема и миссия нашего министерства. Сейчас, в связи с наиболее острой постановкой вопроса, мы пытаемся выделить соответствующие сферы, где импорт оказывал критически значимое... влияние, и наша задача в целях национальной безопасности – понизить это влияние. В этой связи, говоря о приоритетных отраслях, я бы остановился в первую очередь на отраслях, производящих средства производства: это нефтегазовое машиностроение, станкостроение, тяжелое машиностроение» [10].

Возникает резонный вопрос: и каковы же достигнутые результаты ведомства, если исключить из этого перечня нефтегазовое машиностроение, в продукции которого «кровно» заинтересованы «сидящие на нефтегазовой игле» владельцы и главные акционеры добывающей отрасли? А результаты более чем скромны – фактически ни одного современного станкостроительного предприятия «с начала нулевых годов» в стране так и не было создано. Не лучше

положение и в тяжелом машиностроении. Так что пафос здесь не очень уместен.

Никто среди трезво мыслящих российских экономистов не рассматривает концепцию импортозамещения в ее традиционном истолковании и как *исторический шанс* для страны, поскольку в условиях жесткой международной конкуренции налаживание собственного производства некоторых видов технологической продукции в обозримые сроки представляется просто *нефакальным* из-за утери имевшихся в СССР научных и технологических преимуществ. Это произошло, главным образом, в результате либеральных реформ 1990-х годов, когда значительная часть отраслевой науки была приватизирована и бесследно исчезла, в то время как стабилизационный фонд, работавший на экономику чужих стран (нынешних «санкционеров»), оставался «священной коровой», финансовым «могильником». («Мантра» о спасительной «подушке безопасности» для страны не лишена лукавства, так как именно новые современные заводы и технологические линии помогли бы стране сегодня «слезть с нефтяной иглы» и укрепить национальную валюту).

Так уж несовместимы идеи импортозамещения и конкурентоспособности? Проблема конкурентоспособности (достижение которой отечественной экономикой было приравнено В.В. Путиным к «национальной идее» в выступлении перед доверенными лицами накануне президентских выборов), как «дамоклов меч», десятилетиями висит над членами правительства и экономическими «умами» страны. Особенно она обострилась сегодня, как в связи с очередным витком глобализации экономических отношений и новыми технологическими «прорывами» в мире, так и вследствие нынешних экономических затруднений, обусловленных падением цен на углеводородное сырье, и санкционных мер, предпринятых в отношении России США и их союзниками.

В аналитической работе «Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики» [11, с. 4], выполненной еще в 2008 году признанным специалистом в области изучения экономической конкуренции Майклом Портером и его командой (Гарвардская школа бизнеса) по просьбе московского Центра стратегических разработок (ЦСР), все отмеченные в отчете «минусы» конкурентоспособности России в 2006–2007 гг. остались сегодня без изменений. Зато «минусы» существенно пополнились фактически всеми прошлыми «плюсами» (динамичный экономический рост, устойчивое финансовое положение, увеличивающийся приток

иностранных инвестиций, укрепление позиций на рынке мирового экспорта и т.д.).

Можно, конечно, сетовать на непрекращающиеся со времен А. Смита и Д. Риккардо попытки «уточнения» понятия «конкурентоспособность» Э. Хекшером, Б. Олин, П. Самуэльсоном, самим М. Портером и даже на имеющиеся расхождения во взглядах на состояние конкурентоспособности российской экономики, но это не меняет ситуацию. Стремительно теряя позиции в области развития науки, технологий и развития инноваций, нашей стране, где политико-бюрократический консерватизм доминирует над экономическим здравым смыслом, становится все труднее отстаивать старые и завоевывать новые конкурентные преимущества.

В этой связи, позиционирующиеся в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года высокотехнологичные сектора национальной экономики (авиационная и ракетно-космическая промышленность, судостроение, радиоэлектронная промышленность, атомный энергопромышленный комплекс, энергетическое машиностроение, информационно-коммуникационные технологии) без повышения конкурентоспособности соответствующей продукции могут столкнуться с неизбежными трудностями. Особо отметим необходимость придания новых стимулов для развития *корпоративно-отраслевой науки* – именно она в сравнении с академической и университетской наукой должна играть ведущую роль в завоевании новых конкурентных преимуществ, в то время как две последние отрасли служить поставщиком квалифицированных научных кадров.

Выражение «несовместимость идей импортозамещения и конкурентоспособности» как бы подразумевает отказ ведущих стран мира от политики импортозамещения, поскольку она, дескать, оказывает негативное влияние на состояние национальной экономики. Однако это слишком упрощенная точка зрения. Во-первых, конкурентоспособные страны Запада не только прошли в прошлом стадию импортозамещения, но и продолжают сегодня практиковать такую политику в отдельных отраслях экономики, при этом протекционизм вовсе не обязательно ведет к увеличению доли государственного владения и уменьшению стимулов предпринимательского риска. Красноречивыми примерами служат отрасли военного комплекса, сельского хозяйства и т.д. В ход идут как таможенно-тарифное регулирование, так и не тарифное (лицензирование ввоза, квоты и т.д.), не говоря уже о субсидировании жиз-

ненно важных отраслей. Во-вторых, процессы импортозамещения могут проявляться «сами собой» в результате успешной конкуренции национальных компаний с иностранными. Разве общепризнанное высокое качество российского вооружения на мировом рынке не служит доказательством совместимости идей импортозамещения и конкурентоспособности?

Взаимозависимости в системе «политика импортозамещения – конкурентоспособность экономики». Исследование подобного рода взаимозависимостей логично рассматривать в рамках *институционального подхода*, являющегося продолжением традиций классической школы в экономике от А. Смита до Г. Мюрдаля. Смысл такого подхода, по мнению последнего, состоит в том, что «историю и политику, теории и идеологии, экономические структуры и уровни (жизни), социальную стратификацию, сельское хозяйство и промышленность, тенденции народонаселения, здравоохранения и образования и т.д. – все это следует изучать не по отдельности, а в их взаимосвязях» [20, р. X]. Как видим, речь идет о диалектическом методе анализа взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов социально-экономического развития государства. Только такой метод дает возможность получить связное и систематическое представление о судьбе социума и государства.

Возникает вопрос следующего рода: каковой должна быть *отраслевая стратегия* политики импортозамещения? Должны ли быть «охвачены» все отрасли материального производства, зависящие от импорта, или поддержка импортозамещения правомерна лишь в тех отраслях экономики, где это перспективно, где отечественные производители обязаны в кратчайшие сроки достичь западных стандартов и чья продукция должна быть *конкурентоспособной*? Ответ на данный вопрос не составлял бы труда в условиях равноправного (без экономических санкций) международного разделения труда, когда дешёвый качественный продукт, действительно, выгоднее импортировать из-за границы, когда импортозамещение как таковое не является самоцелью. Но сегодня правила мировой торговли западной коалицией стран грубо нарушаются.

Мнение руководителей министерства промышленности и торговли РФ относительно выбора приоритетных отраслей в импортозамещении и географических направлениях возможных закупок, можно сказать, безупречно - в качестве критических позиций оно выбирает «те позиции, которые на мировом рынке являются либо монополизированными, либо олигополи-

зированными, то есть доступ к ним может быть закрыт, а уровень зависимости российской промышленности от таких позиций выше некоего критического уровня» [10]. Увы, уровень зависимости от импорта в некоторых отраслях сегодня составляет 95%, а в некоторых сферах доходит до 100% [10]. При существующей доступности этих позиций на некоторых азиатских рынках вкладывать астрономические средства в непереносимое их импортозамещение в нашей стране, с учетом ограниченности нашего рынка вряд ли разумно.

Предметом особого внимания авторов является *аграрный сектор* страны, где добиться конкурентоспособности продукции с ведущими странами запада в обозримом будущем будет весьма трудно. Речь в данном случае идет не столько о существенном отставании в уровне производительности труда в сельском хозяйстве страны, сколько о специфических климатических условиях РФ, заметно сказывающихся на себестоимости производимой продукции. Означает ли это, что политика импортозамещения в аграрном секторе России вообще не имеет перспектив из-за невозможности достичь конкурентоспособности в производстве большинства видов сельскохозяйственной продукции?

Такая точка не только несостоятельна – она контрпродуктивна, поскольку противоречит основным принципам *стратегии продовольственной безопасности* страны. Граждане России должна обеспечиваться собственным производством зерна, мяса, молока и некоторых других видов продукции даже в том случае, если развитие соответствующих отраслей будет базироваться на дотациях. Это *императив*, реальность которого подтверждают нынешними условиями, когда цинично нарушаются нормы международной торговли из-за введения санкционных ограничений и барьеров. При этом реальные трудности, связанные с повышением конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, не носят фатального характера. В РФ имеется немало регионов, где достижение сопоставимых со странами Запада показателей эффективности сельского хозяйства не только возможно, но и необходимо. Речь идет, прежде всего, о Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, некоторых республиках Северного Кавказа и др.

Пренебрежение вопросами продовольственной безопасности страны в предыдущие десятилетия привело к тому, что она фактически приобрела не только позорный, но и опасный статус «нахлебницы»,

который стал реальностью в связи с нынешним резким ухудшением ее торговых отношений со странами ЕС и США.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что из-за вынужденного введения РФ продуктового эмбарго в отношении западных стран и их союзников импорт продовольствия из стран дальнего зарубежья в стоимостном выражении резко снизился – почти на 40%. Наиболее глубоким спад произошел в импорте сыров и молочных продуктов в целом (примерно в 5 раз), рыбы (в 2 раза), овощей, сахара и фруктов (примерно в 2 раза). Несколько неожиданным выглядит факт снижения импорта продовольственных товаров из стран СНГ и Евразийского экономического союза (главным образом, из-за опережающего падения курса рубля). Так, физические объемы поставок продовольственных товаров по сравнению с январем-февралем 2014 года сократились на 22,2%, в том числе: мяса свежего и мороженого на 5,6%, молока – на 22,6%, сливочного масла – на 26,6%, и т.д. [17].

Подобная ситуация не стала мощным драйвером для отечественных сельхозпроизводителей, однако по отдельным позициям они сумели оперативно нарастить производственные мощности. Речь идет о выпуске сыров и сырных продуктов, овощных и грибных консервов, в меньшей мере – мяса и птицы. Вопрос конкурентоспособности этой продукции на мировом рынке, безусловно, важен, однако проблема продовольственной безопасности страны его явно «перевешивает».

Иначе говоря, эффективность отечественного сельскохозяйственного производства повышать следует вне зависимости от темпов роста ВВП и объемов Резервного фонда и Фонда национального благосостояния. В представлении автора знаменитой пирамиды потребностей А. Маслоу, идеальное счастливое общество – это, в первую очередь, общество сытых людей, не имеющих повода для страха или тревоги. Полагаться же на импорт едва ли не половины потребляемого продовольствия – это прямая угроза безопасности страны.

Мы не преследуем цель давать анализ путям повышения конкурентоспособности сельского хозяйства. Среди факторов роста конкурентоспособности особое место занимает усиление роли инновационных рычагов, внедрению достижений агрохайтека (в частности, парниковому хозяйству в условиях холодного климата), чему до сих пор уделяется неоправданно мало внимания [9]. При этом инновации в сельском хозяйстве – это не только технологии, но и биологический фактор («использование

высокопродуктивных пород животных и сортов растений) и человеческий (рост профессионализма занятых) и т.д.

«Родимым пятном» российского агробизнеса остается «запредельная» роль *посредничества*, в результате чего сельхозтоваропроизводители реализуют продукцию по недопустимо низким ценам и вход на рынок для фермеров остается практически закрытым. Имеются экспертные оценки, свидетельствующие о том, что размер торговой наценки в РФ составляет около 40%, в то время как в мире он колеблется от 8% до 12% [15]. Ясно, что до тех пор, пока посредническая деятельность будет оставаться приоритетной, эффективность аграрной экономики существенно не повысится, поскольку прибыль будет концентрироваться не у производителей, а у посредников.

Разумеется, снижение роли посредничества в аграрной сфере не автоматически приведет к ощутимому повышению конкурентоспособности отрасли. Необходимо привести в действие вышеупомянутые факторы роста конкурентоспособности, включая также радикальное реформи-

рование кредитной политики, совершенствование вторичного рынка сельхозтехники, регулирование доступности минеральных и органических удобрений, расширение сферы применения ресурсосберегающих и экологически чистых технологий и т.д. Отметим также негативное уменьшение протекционистских возможностей, связанных с тарифной и нетарифной защитой сельхозпроизводителей, после вступления РФ в ВТО.

Возвращаясь к главной идее статьи – о соотношении импортозамещения и конкурентоспособности, подчеркнем, что «диалектика» таких связей в аграрном секторе существенно отличается от таковых в других отраслях экономики и несколько напоминает соотношение этих процессов в оборонном комплексе страны. Идеи повышения конкурентоспособности продукции этих отраслей (прежде всего, сельского хозяйства) всегда остаются актуальными, но политика импортозамещения в обеих отраслях приобретает самодовлеющий характер, так как связана с безопасностью страны.

Список литературы:

- [1] Андреева Л., Миргородская Е. Взгляд на системную конкурентоспособность как доминанту устойчивого развития экономики // Экономист. – 2004, № 1. – С. 81–88.
- [2] Андрианов В.Д. Конкурентоспособность России в мировой экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2000, № 3. – С. 25–48.
- [3] Бураковский И.В. В поисках модели экономического развития // Украинская государственность в 20 веке. Историко-политический анализ. – Киев: Политическая мысль, 1996. – С. 190–196.
- [4] Воронова Т. Инвестиционный фактор и рост конкурентоспособности России на мировом рынке // Маркетинг. – 2003, № 5. – С. 3–11.
- [5] Гладкий Ю.Н. Индустриализация и региональное развитие в Африке. – Л.: Наука, 1987. – 236 с.
- [6] Гладкий Ю.Н. Продовольственная безопасность России: возможности генной инженерии и агрохайтека // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 4. – С. 199–203.
- [7] Кормнов Ю. О повышении конкурентоспособности экономики // Экономист. – 2006, № 8. – С. 13–20.
- [8] Коршунова Г.В. Проблемы формирования конкурентоспособности национальной экономики // Финансы и кредит. – 2006, № 6. – С. 74–78.
- [9] Кучуков Р. Проблемы конкурентоспособного развития // Экономист. – 2007, № 8. – С. 25–37.
- [10] Никитин Г. Интервью первого заместителя министра промышленности и торговли РФ «Коммерсанту FM» 04.2015. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre>
- [11] Портер М., Кетелс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. – 2008. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/432996/>
- [12] Савинов Ю.А. Конкурентоспособность российских предприятий в сфере международной торговли // Вопросы статистики. – 2004, № 7. – С. 15–29.
- [13] Сальников, В.А. Галимов Д.И. Конкурентоспособность отраслей российской промышленности – текущее состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования. – 2006, № 2. – С. 55–82.
- [14] Субботина Т. Россия на распутье: два пути к международной конкурентоспособности // Вопросы экономики. – 2006, № 2. – С. 46–64.
- [15] Ушачев И.Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала. – 2009, № 3 (57). – С. 4–12.
- [16] Фахутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. – М ИНФРА-М, 2000. – 312 с.
- [17] Федеральная Таможенная Служба. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.customs.ru/> (16.03.2015)
- [18] Шевченко И.В. Организационно-экономические аспекты формирования конкурентной стратегии экономического роста России // Финансы и кредит. – 2006, № 9. – С. 67–75.
- [19] Яковлев А., Ясин Е. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. – 2004, № 7. – С. 4–34.
- [20] Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into Poverty of Nations. – Pantheon, 1968.